

СЕРГЕЙ ЦЫМБАЛЕНКО

Жили-были мы с братом

Сергей Цымбаленко

Жили-были мы с братом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178537

ISBN 9785449031686

Аннотация

Посвящается взрослым, которые забыли свое детство, но хотят его вспомнить. Это попытка прикоснуться к таинственному и до конца непостижимому миру маленького человека.

Содержание

Часть первая. В валенках по весне	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Жили-были мы с братом

Сергей Цымбаленко

Иллюстрации художника Евгений Алексеевич Медведев

© Сергей Цымбаленко, 2018

ISBN 978-5-4490-3168-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. В валенках по весне

Весна первая

Наш дом похож на башню. Или на маяк... Дед говорит, что построил дом сам, когда у него не было морщин и седых волос. По правде, я этому не верю. Дед все время старый, сколько я себя помню. Если и был другим, то в те времена, когда жили ящеры и чудовища, которые нарисованы в его толстых книгах. Тогда все было по-другому.

Дом тоже старый. Если дед у себя наверху кашляет, как сейчас, дом кряхтит и поскрипывает.

Уже вечер. Дом черный как глубокая яма. Днем его еще можно принять за маяк, а сейчас это тюремная башня. Я в заточении. Попробуй, выберись отсюда! Я проверяю кулаком крепость стен – они гулко отзываются.

Дед кричит сверху:

– Вова, открой дверь! Кто-то стучит.

Вот это да!.. Я стукнул, а кто-то пришел. Непонятно... Но раз дед говорит, надо посмотреть. Осторожно открываю дверь – никого.

– Деда, никого, – сообщаю я.

– Значит, показалось, – ворчит дед.

Дом тоже недовольно гудит, бормочет что-то неразборчиво. Они с дедом похожи.

Я морщу лоб. Произошло что-то странное. Стуком я пробудил к жизни кого-то невидимого. Он пришел и взбудоражил весь дом. Я так и назвал его: «Он».

Ладно, разберусь потом. Я снова в тюрьме. За попытку к бегству меня заковывают в цепи – наматываю на себя белевую веревку. Все! Теперь никогда мне не сдвинуться с места.

Тут с улицы доносится знакомый голос. Мой брат, Лешка, возвращается из школы и поет. Он песни сам сочиняет. Говорит, от скуки, пока сидит на уроках. Лешкина песня – сигнал к атаке. Я стремительно освобождаюсь от цепей и ищу место для нападения. Это у нас игра такая. Ой, брат совсем близко, а я не нахожу подходящего места, где спрятаться. Забираюсь в пальто деда, которое висит на вешалке. Оно душное, но я терплю, стараюсь не шевелиться.

Лешку не слышно. Наверное, стоит за дверью. Резко распахивает ее. Дверь ударяет по мне, я теряю равновесие и лечу вместе с пальто на пол. Обидно, что ничего у меня не получилось, поэтому лежу, закрыв глаза, будто умер. Сквозь ресницы наблюдаю за братом. Он испугался:

– Вовка, ты что?

Я коварно молчу, поджидаю, когда Лешка подойдет, и бросаюсь ему под ноги – брат взмахивает руками и растягивается на полу.

– Победа! – заявляю я гордо и стараюсь незаметно потереть синяк на коленке.

Лешка хохочет. Так оглушительно, что на лестнице появляется дед. Он растерянно смотрит на нас. Потом спрашивает, хмуря седые брови:

– Вы что – деретесь?

– Что ты, дедушка, – отвечает Лешка. – Мы играем.

Дед постоял еще немножко, потом поднялся наверх, запинаясь о каждую ступеньку.

Я вспоминаю про приход странного «Он» и бросаю игру. Нужно осмотреть верхнюю комнату. Вдруг «Он» затаился где-нибудь там.

– Деда, к тебе можно? – прошу я, шмыгнув носом.

– Что? – переспрашивает дед. Слышит он нормально, это привычка такая. Ему много времени нужно, чтобы подумать. Морщит лоб. – Ах, да... Иди, конечно.

Я бегу по лестнице.

Лешка обиженно смотрит вслед. Сверху он такой маленький, просто смешно. Одним пальчиком побороть можно. Я показываю ему язык и скрываюсь в кабинете деда.

Тот уже устроился в огромном кожаном кресле и замер над книжкой.

Я осматриваюсь. Тишина звенит и пахнет пылью. Потолок низко-низко. Поэтому, наверное, дед такой сутулый. Все завалено книгами. Они не помещаются на полках и лежат прямо на полу. Толстые. Если все перечитаешь, станешь таким же старым, как дед. Надо немножко постареть. Я вытягиваю с полки самый толстый том. Он шлепается на пол, под-

няв клубы пыли. Смотрю на деда – тот не обращает на меня внимания. Усаживаюсь с книжкой и листаю страницы. Большие, страшные змеи смотрят с них на меня. Иногда страницы пересечены линиями. Кто их исчеркал? Не дед же... Я вздрагиваю. Ощущение неизвестности тревожит. Это «Он», который стучал и исчез, начеркал в книжке. Значит, «Он» где-то рядом? Я захлопываю книжку и бегу к деду, прижимаюсь к его ногам, укрытым пледом. Дед, не отрываясь от чтения, гладит мне волосы.

На стене передо мной – большие фотографии. Старушка со сморщенным лицом – моя бабушка. Она умерла в войну от голода. Усатый дяденька – отец. Его я совсем не помню. Мама сказала, что он с фашистами воевал и победил. Но они так изранили его, что он умер уже после войны, когда я родился. Я фашистов ненавижу. Девушку с веселыми глазами они тоже убили. Это моя тетя, она санитаркой была. Красивая. Если бы она сейчас жила, я бы на ней женился. Все трое смотрят на меня, будто просят о чем-то. Как ни верчу головой, их глаза смотрят на меня. Может, их заколдовал этот «Он»? В самом деле, умерли – значит куда-то делись. Их заточили в эти фотографии, как в тюрьму. Хорошо бы спросить у деда.

Я поднимаю голову. Дед неподвижно смотрит в книгу, веки чуть прикрыты. Они испещрены прожилками и кажутся прозрачными. Дед тоже загадка. Он похож на портрет, когда замирает в какой-нибудь позе. Но дед все-таки оживает.

Внизу грохает дверь. Мама пришла! Я бросаюсь вниз с криком:

– Мама, я здесь!

Она подбирает с полу пальто деда, устало улыбается мне, потом переводит взгляд на Лешку. Тот склонился над тетрадкой за столом. Сердитые морщинки на мамином лице разглаживаются.

– Уроки учишь? Вот и хорошо. Учительница жалуется, что мало занимаешься. Мог бы на четверки и пятерки учиться.

Знаю я, какие это уроки! Небось стихи пишет. Рот перепачкан чернилами. Тоже мне, поэт.

Мама открывает крышку швейной машины и берется за шитье. Машинка старая, ногами крутить надо. Новые, электрические, мама не любит. На меня никакого внимания. Я снова заглядываю к деду – он так и сидит с книжкой, не шелохнувшись. Скучно. Сажусь на лестницу и шумно вздыхаю.

Всем хорошо. Дед – ученый. Мама – портниха. Лешка – стихи пишет. А я кто? Хоть бы стать кем-нибудь. Лучше всего принцем. Точно, вхожу в комнату – на боку шпага, сапоги с высоким каблуком, как у мамы. Лучше я появлюсь не один, а с тетей. Раз у меня шпага, я отвою тетю у этого «Он» и сделаю принцессой. «Он» посажу в пустой портрет, пусть сам посидит, помучается!..

Мирно стучит швейная машинка. Я вздыхаю. Принцем быть хорошо, а сейчас чем заняться?

Подхожу к Лешке. Он отворачивается. Сердится, что я бросил его в разгар игры. А если у меня дело важное? Виновато вздыхаю – не помогает. Заболеть, что ли? Сразу обо мне все вспомнят, забегают.

– Леш, у меня голова болит, – шепчу я.

Глаза у брата сразу добреют.

– Ой, мама, Вовка заболел!

Машинка перестает тарыхтеть. Мама подозрительно смотрит на меня.

– Ну-ка, иди сюда. – Теплая рука касается лба. – Что у тебя болит?

Я опускаю глаза.

– Голова...

– Алеша, намочи полотенце.

Сидеть с мокрым полотенцем не очень-то приятно. Голова на самом деле начинает побаливать. И опять никакого внимания. Нет, Лешка подходит, дышит в затылок. Я начинаю тихонько стонать.

– Больно, да?

– Еще как!

Я поворачиваюсь к Лешке. Ему меня жалко. Он меня любит.

– Хочешь, прочитаю, что написал?

– Ага, – киваю я.

Лешка устраивается рядом, смущенно улыбается и читает стихотворение. Про солнце, про то, как все почему-то плачут

и улыбаются во сне. В общем, непонятно.

– Расскажи лучше сказку, страшную, – прошу я и заранее обнимаю руку брата, чтобы не очень пугаться.

Лешка усмехается. Глаза его округляются, когда он рассказывает про темный лес, темную избу... В общем, про все темное. И про мертвецов. И вдруг как заорет:

– Отдай мою руку!

От неожиданности я вздрагиваю, а потом начинаю смеяться. Лешка тоже.

– Что-то ты развеселился, больной, – ехидно замечает мама.

– Я уже выздоровел! – весело кричу, срываю с головы полотенце и ношу, размахивая им, по комнате.

Сверху спускается дед.

– Что случилось?

– Ничего особенного, – успокаивает его мама. – Просто Вовка с ума сошел.

Дед стоит, раздумывая, машет рукой и плетется наверх.

– Шут гороховый, – выговаривает мне мама.

Я замечаю, как дрогнули у нее уголки губ, сдерживая улыбку. Значит, не сердится. Шут – неплохое занятие! Я корчу рожи, от чего брат начинает валяться по полу от смеха. Мама крепится, крепится – да как захохочет. На весь дом!

Опять появляется дед.

– Все еще этот сумасшедший буянит?

– Я не сумасшедший, – объясняю ему. – Я шут гороховый!

В подтверждение корчу ему рожу. Дед долго смотрит, не мигая, потом отворачивается и лезет к себе.

Я всегда засыпаю, обняв Лешкину руку. Чтобы не страшно было. Наша кровать деревянная. Вернее, она железная, но ее устилают досками. Одна из них короткая и часто вылетает. Спишь себе спокойно, хорошие сны видишь. Вдруг во сне мост начинает рушиться или с крыши падаешь. Значит, доска упала. Такая вредная!

На этот раз просыпаюсь, потому что слышу сквозь сон всхлипывания. Открываю глаза... Брат при свете карманного фонаря (чтобы мама не заметила) читает потрепанную книжку.

– Ты чего не спишь? – спрашиваю я испуганно.

Лешка закрывается от меня книжкой, шмыгает носом и гудит:

– Спи, Вовка, спи.

– А зачем плачешь? – не унимаюсь я.

Лешка открывает лицо, улыбается, кивнув на книжку:

– Человек тут такой...

– Где?

Я с любопытством смотрю на листы, но там только непонятные буквы.

Лешка говорит:

– Тут про Тиртея написано...

– Про кого?

– Тиртея. Поэт такой был в Древней Греции. У Спарты, государство было такое, война, враги одолевают. Спарта попросила помощи у Афин. Те помогать не хотели и прислали в насмешку вместо войска хромого учителя. Это и был Тиртей. А он написал такие стихи, что солдаты, как услышали, сразу смело бросились в бой. Спартанцы всех врагов тогда победили. Здорово, да?

Я киваю.

Лешка гасит фонарик, прячет книжку под подушку и шепчет:

– Я тоже поэтом буду. Ну, не поэтом... Стихи у меня не очень получаются. Можно и просто писать...

Я пододвигаюсь к нему, обнимаю. Нам тепло и уютно.

– Леш, мне без тебя скучно. Давай, ты все время дома будь.

– А в школу кто ходить будет? – усмехается Лешка.

– Никто. Ты им скажи, что я без тебя не могу.

– Так нельзя, – вздыхает брат. – Ты тоже без меня чем-нибудь занимайся, время и пролетит.

– Чем? – чуть не плачу я. – Тебе хорошо, ты поэт. А я?

– И у тебя дело найдется, – успокаивает Лешка. – Попробуй рисовать или еще что... Такое, чтобы весь день только о нем и думать.

– А как такое найти??

Лешка морщит лоб. Совсем как дед.

– Подумать надо...

Я терпеливо жду. Незаметно засыпаю, так и не найдя своего дела.

Лешкин класс сегодня учится в первую смену, так что скучать я начал с самого утра. Когда слышатся шаги брата, я даже не прячусь.

Лешка вошел, осторожно оглядываясь, принес с собой пальто в дырках и запах гари.

– Мама нет?

– Нет... Ты горел?

– Разве заметно?

Еще бы! Ресницы и брови – как облезлая зубная щетка, челка на голове стала рыжей.

Оказывается, мой брат – настоящий герой. Он пожар тушил.

– Идем с Петькой, а в двухэтажке крайнее окно светится. Такие ровные красивые зубцы. Мы сначала думали, что солнце отражается. А рядом народу... Обсуждают, что делать. Кто-то побежал пожарных вызывать. Тут один дядька закричал, что пока машина приедет, весь дом сгорит. Окошко ногой разбил и полез. Мы с Петькой за ним. Дымища... Дышать нечем. Закашлялись и к окну, воздуха набрать...

Я выпрашиваю у Лешки все подробности. Как он своим пальто пламя сбивал. В дверь барабанили изо всех сил, стали ее ломать. Петька пробрался, замок открыл – и упал, надышавшись угарным газом. Тут соседи вбежали, стали в тазы

ках, кастрюльках, чайниках воду носить. Еще Лешка вспомнил, как ему показалось, будто в комнате кто-то плачет. Подумал, что маленький ребенок. Зажав нос, бросился к двери в комнату, открыл. Оттуда, как снаряд, рыжий кот выскочил, чуть с ног не сбил, и улизнул в разбитое окно. Когда огонь потух, все обнимать друг друга от радости стали. Тут тетя Маруся, продавец булочной, вошла. Оказывается, это ее квартира. Как запричитает: «Что же вы наделали, убивцы! Окошко-то, окошко распластали! И мебель не пожалели... Ой, не могу, как жить теперь буду!» Это вместо благодарности.

Я с завистью смотрю на брата.

– Все, тебе теперь медаль дадут!

– Ну да, – смеется Лешка. – Тетя Маруся нас с Петькой чуть палкой не побила.

– Все равно дадут! – с уверенностью говорю я.

– От мамы достанется – это точно!

Мы осматриваем пальто. Дыры такие, что не скроешь. Лешка засовывает его под кровать. А челку обгоревшую куда деть?

Лешка, обреченно вздохнув, дает мне ножницы и усаживается на стул.

– Режь.

Я стригу его с важным видом, совсем как парикмахер, даже приговариваю сурово:

– Не вертись, пожалуйста, работать мешаешь.

Ровно никак не получается. Не знаю, чем бы моя стрижка закончилась, если бы не слышались мамины шаги. Она с порога ругаться начинает:

– Где этот непутевый? Ну, я тебя! Это надо же, все добрые люди стоят, а его в пекло понесло!

Лешку как ветром сдуло.

Меня мамины слова обижают.

– Он герой, а ты ругаешься.

– Я вам покажу, герои! Еще ты за ним куда-нибудь полезь!

Мама бросается ко мне, но тут из-под кровати брат вылезает, виновато смотрит на маму. Я думал, Лешке сейчас ремнем достанется, а мама его прижимает к себе и плачет.

– Ну, зачем полез?.. Иду по улице, а мне говорят, что ты весь обгорел. Ведь не шутки это. Погибнуть мог.

Она ласково гладит его обгоревшие волосы, брови.

Я пристраиваюсь рядом и с надеждой говорю:

– Ма, теперь ты телевизор купишь?

– О чем ты? При чем тут телевизор?

– Как при чем? Там Лешку теперь показывать будут.

Мама с братом хохочут. А чего смешного?

Темнеет. Мама приходит с работы и берется за шитье. А брата все нет. Я место хорошее нашел, чтобы спрятаться, а он...

– Лешка что-то не идет, – вздыхаю я.

Мама, откусывая нитку, объясняет:

– У него сегодня пионерский сбор.

Вот тебе на! Я его жду, а он...

Про пионерские сборы я уже знаю. Там в барабаны бьют, в специальные трубы гудят – очень громко получается. Лешке весело, а я должен один сидеть...

– Мама, я погуляю?

Мама не сразу останавливает работу, потом смотрит испытующе.

– Ладно, иди. Только от дома ни шагу. Во дворе погуляй, хорошо?

Я соглашаюсь, натягиваю пальто и...

На улице хорошо... Улыбаться хочется. Воздух теплый и пахнет как спелый арбуз. Подтаявший снег сверкает в лунном свете. Я беру в руки затвердевший кусочек. Он похож на взъерошенного щенка. Я бегаю с ним, но скоро ненастоящий щенок надоедает. Одному играть скучно.

Чем бы заняться? Может, попробовать на тополь залезть? Он огромный, с него, наверное, всю землю видно. Так высоко забираться я боюсь, зато с нижней толстой ветки вижу школу. Там светятся окна. Значит, сбор еще идет. Внизу слышатся шаги. Парочка влюбленных идет. Обычно я забрасываю их снежками, но сейчас не хочется. Пусть живут. Лучше я буду оберегать людей от опасности. Мне сверху все видно. От такого величия я начинаю вертеться, с ветки сыпется снег – прямо на бородатого дядьку. Тот отскакивает, крутит головой, заметив меня кричит:

– Ты зачем туда забрался, паршивец? Я вот тебе...

Он пробует дотянуться до моей ноги, но я успеваю подняться выше. Лучше забраться на верхушку, чем попасть в лапы страшному дядьке.. Он ругается, но я от страха ничего не слышу, только вижу, как шевелятся губы и лицо дергается. Меня охватывает ужас, как тогда, когда я открыл присутствие в мире страшного «Он». Наверное, пришел сюда, чтобы схватить и заточить в портрет. Голова кружится, но я лезу выше и выше.

Не знаю, что было бы, если бы на крыльце не появилась мама. Она быстро оценивает обстановку и грозит мне пальцем.

– Вовка, слезай немедленно!

Я сползаю с дерева и бросаюсь под мамину защиту.

Страшный дядька, увидев, что добыча ускользает, кричит пуще прежнего:

– Паразиты! Зеленые насаждения ломают! Ничего им не жалко. Я бы на месте родителей лупил за такое нещадно!..

Он наступает на снежного щенка – раздается хруст.

Мама поскорее уводит меня в дом и награждает подзатыльником. Я громко реву, чтобы больше не досталось. Мама опускает руки. Я сердито отворачиваюсь и скрываюсь под лестницей.

Дед спускается вниз. На меня сыплется пыль, я чихаю, но все равно не вылезаю, взываю еще разок – для деда.

– Ты только подумай, отец, – жалуется мама, – Вовка де-

ревья ломать вздумал. Стыд какой! Перед всей улицей выговаривают за него.

– Что? – как всегда переспрашивает дед.

– Я говорю, ты всю жизнь растения выращиваешь, а этот сорванец...

Дед молчит, трясет головой и выговаривает наконец:

– Я думаю, он не нарочно.

Он спускается и садится на нижнюю ступеньку.

Мама заглядывает под лестницу.

– Что реветь перестал? Думаешь, не попадет больше?

Я начинаю обиженно сопеть.

– Ничего я не ломал.

– А зачем на дерево полез? – уже не сердито спрашивает мама. – Делать больше нечего?

– Конечно, нечего, – бурчу я.

За дверью слышится веселая песня. Наконец-то Лешка. Мама ласково смотрит на него.

– Что веселишься? Сбор хороший был?

– Не-а, скучища, – улыбается во весь рот Лешка. – Мы потом гулять пошли. Тепло-то как. Весна.

Мама делает вид, что сердится, всплескивает руками.

– Мы его ждем, ужинать не садимся, а он гуляет!

Лешка смеется тихо и ласково.

За столом мама бросает на меня строгий взгляд, потому что верчу вилку и к еде не притрагиваюсь. Как есть, если совсем не хочется.

– Ешь, – с металлом в голосе требует мама.

Я неохотно берусь за хлеб, отламываю кусочек. Он на что-то похож. Верчу его в руках. Вроде как башмак.

Мама сердится:

– Опять вертишься!

– Во, башмак, – показываю я ей.

Лешка хмыкает в кулак.

– Ну, посмотрите же!

– Правда, на туфельку похоже... – удивляется мама. – Мы в таких в школу ходили. Помнишь, папа...

Дед молча смотрит на хлеб. Мама задумывается и забывает про нас. Глаза блестят, будто в них застыли слезинки. Иногда в такие минуты она начинает петь, особенно с подругами. Голос у нее становится тонким, дрожащим. Лешка посмеивается, а мне нравится.

Сейчас мама не поет, возвращается к действительности, где столько забот.

– А ну-ка спать! Засиделись сегодня. Вечно Вовка что-нибудь придумает...

Перед сном брат спрашивает:

– Что мама на тебя сердится? Натворил что-нибудь?

– Не-а. Всего-то на дерево залез, а дядька раскричался. – Ты никогда до самого верха не долгзал?

– Не залезал. И ты не вздумай. Опасно.

Весна проникает в дом с солнечными лучами и не так

скучно одному. Я гоняюсь за солнечными зайчиками, которые дразнят меня. Тут появляется Лешка, сияет, как всегда. Нет, больше, просто смешно.

– Вовка, лужи на улице!

– Ну и что?

– А я в валенках! – счастливо смеется брат.

– Пошли, – решительно говорю я и натягиваю валенки.

– А валенки зачем?

– По лужам.

На улице светло и шумно, будто все на свете мальчишки высыпали из домов. Они бегают за щепками-корабликами, которые несутся по ручьям, терпят крушения.

В валенках кроме нас никого. Мы гордо шагаем по лужам. Лешка находит широкую щепку и пытается приладить что-то вроде паруса из бересты. Вот и наш кораблик отправляется в путь, чуть покачиваясь на волнах. Мы идем следом.

– Леш, а куда ручьи бегут?

Брат смотрит далеко вперед, где горизонт, шурится.

– Далеко-далеко. В реки, а потом в море.

– Да, ну?

– Если идти и идти, наверное, выйдешь к нему. А море – оно, знаешь, какое!

– Не...

Глаза у Лешки становятся большими.

– Огромное-преогромное... Без берегов. И синее.

– Как небо?

– Еще синей.

– А ты видел? – подозрительно спрашиваю я.

Лешка грустно говорит:

– Нет. До него идти очень далеко.

Я хоть и не совсем верю брату, он меня заворожил. Море начинает плескаться где-то близко, я будто слышу шум волн. Я представляю, как в него всплывает наша щепка – и становится настоящим парусным судном.

Лешка тянет меня за рукав.

– Смотри, наш кораблик унесло.

– Бежим! – предлагаю я.

– Нет, Вовка, домой пошли. Сейчас ребята придут.

Все ясно! Они собираются кататься на плотках, а я буду дома сидеть.

Лешка виновато опускает голову.

– Тебе нельзя. Знаешь, как опасно. Плот перевернется и... все. Вода ледяная.

Брат так передергивается, что я тоже испытываю ужас, будто побывал в этой воде. Я внутренне смиряюсь с поражением, но молчу, пусть помучается. Вдруг объявляю решительно:

– Иди. Я сам приду.

– Не заблудишься?

Просто смешно. Наш дом отовсюду видно – он выше всех, крыша будто растворяется в небе.

Лешка уходит, а я догоняю кораблик. Он застрял в куче веток, образовавших запруду. Приходится брать наше судно на руки и, словно великану, переносить на свободную воду. Берестяной парусник вырывается из рук и снова устремляется вперед. Я бегу за ним.

Кораблик еще несколько раз попадал в беду, а я спасал его. Ведь он пока совсем маленький, глупенький. Ему без меня не доплыть до моря. У всех кораблей должны быть капитаны. Оглядываюсь назад – наш дом чуть виден в гуще других, будто голову пригнул. Однако возвращаться не хочется. Кораблик беззаботно несется вперед, а во мне разгораются теплые искорки предчувствия. Кажется, еще немного – и небо развернется в море. Большое-большое, без берегов. Я зажмуриваюсь от синевы, бегу все быстрее, почти лечу, вот только мокрые валенки тянут вниз.

Вдруг темная стена преграждает путь.

– Володенька, ты что?

Я нечаянно наткнулся на полную женщину, а она оказалась маминой знакомой. Я плачу. Ведь если бы не она, я бы добежал до моря.

– Что с тобой? Боже, ты весь промок.

Путешествие закончилось позорным возвращением домой.

Дома грустно и молчаливо. Брат со мной не разговаривает. Ему влетело. Мне не хочется, чтобы Лешка обижался.

Надо поделиться с ним, что я стал совсем другим человеком. Я совершил первое в жизни путешествие, да еще к морю. Я был совсем рядом.

Брат сидит за столом и колупает клеенку. Я начинаю сопеть. Лешка оборачивается и смотрит на меня обиженными глазами.

– Леш, я не хотел. Это само получилось, понимаешь?

Брат мотает головой и губы сжимает, чтобы не разреветься.

– Я опять пойду, и теперь меня никто не остановит, – решительно говорю я.

– Ты что? Зачем! – пугается Лешка.

– Не могу и все. Я хочу быть капитаном. Ты же сам говорил, что надо найти свое дело.

Лешка жалобно просит:

– Потерпи немного, вот снег совсем сойдет – мы с тобой в лес пойдем. Там муравьи живут, бо-ольшущие!

Лешка разводит руками, и муравьи оказываются размером с меня.

– Что, прямо как мы?

– Нет, поменьше, – смущается брат. – Но все равно здоровые. У них дом свой, огромный...

Лешка хочет показать, но сдерживается.

Ох, как меня эти муравьи заворожили! Я теперь только о путешествии к ним думаю. Поэтому мне кажется, что снег тает слишком медленно, будто не хочет, чтобы мы с братом

отправились в лес, где живут большие муравьи.

Весна вторая

Солнце каждый день совершает круговорот по нашей квартире. Вот и сегодня оно появляется сначала в дверях кухни, где мама уже гремит посудой. Потом лучи осторожно пробираются в комнату. Заглядывают в лицо деду, а он закрывается от них морщинистой рукой. Дед болеет, ему трудно одному – и кресло перенесли вниз.

Уже вся комната становится светло-желтой и теплой. Это

весна входит прямо в дом. А Лешка бессовестно дрыхнет. Нет, он притворяется! Прищурил глаза и незаметно наблюдает за мной.

– Так нечестно! – кричу я и сталкиваю его с кровати.

Лешка тащит меня за собой и не дает одеваться.

– Зарядку делай!

Он уверяет, что от зарядки можно стать большим и сильным. Поэтому делает упражнения с серьезным видом. Не понимает, что без улыбки у него лицо глупое. Я щекочу Лешку – он подпрыгивает и хохочет, драться лезет. Бокс, говорит, отличное упражнение. Конечно, у него кулаки в три раза больше!

Мама выглядывает с кухни и смотрит на нашу возню,

– Ну и большой ты вымахал, Вовка! Правда, отец?

Дед, сдерживая глухой кашель, пытается сказать что-то.

Морщинки на мамином лице собираются в улыбку, и она говорит совсем не грустно:

– Они растут, значит мы стареем.

Я расправляю плечи и оценивающе смотрю на брата. Мне бы только до него дотянуться. Раз он такой длинный, значит, больше не вырастет.

Лешка подталкивает меня к умывальнику.

– Иди, иди, большой!

По пути я успеваю стянуть у мамы оладушку.

Лешка о чем-то задумывается.

– Ты чего?

– Вспомнил, какой ты карапет был. Смешной.

Лешка смотрит, пытаясь разглядеть малыша, каким я был когда-то.

– Так я уже не маленький? – вкрадчиво начинаю я.

Лешка восхищенно кивает.

– Тогда возьми меня на плоты. Я знаю, вы собираетесь!

Брат растерянно моргает:

– Н-нельзя... Опасно.

– Ну и что? Я уже большой, – настаиваю я. – В школу хожу.

Лешка возмущается:

– Все равно ты плавать не умеешь.

Плавать я действительно не умею. Вернее, боюсь. Лешка несколько раз пробовал спихнуть меня на глубину, но я орал: «Утопить меня хочешь! Я потом... Я сам...» Это потому, что прошлым летом я чуть не утонул. Просто смешно. Ребята купались в пруду, вода по пояс. Я храбро залез – и вдруг почувствовал, что дно из-под ног уходит... Стал болтать руками, ногами – выплыл на поверхность... Какая-то сила снова потянула вниз. Шевелю губами, но даже крикнуть не могу. Петька, товарищ брата, заметил и завопил: «Лешкин Вовка тонет!» – и давай меня за волосы тянуть. Оказалось, я в яму попал. Сделал бы два шага – и тонуть не надо.

...Я отхожу от Лешки. Он прав. Стал я выше ростом, а что толку? Плавать от этого не на учишься.

После завтрака приходят Петька, Женька и Славка. Я даже не здороваюсь с ними. Злюсь. Очень уж на плоты хочется.

Лешка неуверенно смотрит на ребят:

– Может, возьмем с собой Вовку?

– Да ты что? – орет Петька, тихо он говорить не умеет.

Плоский нос (в детстве клюшкой ударили) раздувается. – Он же того...

Петька показывает, как я тонуть буду.

У Славки физиономия сразу становится скучной. Я знаю, ему с «малышней» возиться неохота. Есть надежда на Женьку. Он в Лешкиной компании самый младший и понимает, как мне хочется.

– Ладно, Вовка, пошли, – вдруг решает за всех брат.

Мне сразу хочется броситься к ребятам, обнять их, даже Славку. Но сдерживаюсь. Что я, маленький?

Большой плот захватили раньше нас. Компания мальчишек медленно плывет в другом конце пруда, ребята что-то кричат, размахивают руками.

Мы раздеваемся поскорее. Солнце обволакивает тело теплом. Лезем на плот, сколоченный из двух старых дверей. Ребята утешают себя, что он легкий, можно больше скорость развивать.

На плоту у меня сразу пропадает всякое желание кататься. Кажется, стоит выпрямиться, плот зашатается – и я полечу в воду. А там глубина... Поэтому сижу на корточках, боюсь оторвать руки от досок.

Ребята веселятся, глядя на меня, Славка больше всех. Он

выводит плот на середину пруда и начинает раскачивать.

Я чувствую, как белею от страха.

Петька орет:

– Но-но! Полегче! И не по середине плыви, у берега.

– Вот еще! Нашелся указчик, – усмехается Славка.

Брат тихо говорит ему:

– Ты Вовку не тронь, понял?

– А то что будет? – Славка выпрямляется. Он самый сильный в компании.

Женька охотно объясняет:

– По носу получишь.

Славка презрительно оглядывает хрупкую фи гурку Женьки:

– От тебя, что ли?

– От всех! – решительно заявляет Петька. – Носик как у меня станет.

– А ну вас! – отмахивается Славка. Физиономия у него снова становится скучной.

Пока ребята боролись за меня, я не заметил, что выпрямился. Только сердце все равно стучит, страх не уходит.

Плывем вдоль берега. А мальчишки на большом плоту веселятся. Один шлепается за борт, подняв тучи брызг. Ему протягивают шест, и мальчишка, довольный, влезает на бревна, прыгает, чтобы согреться.

Ребята с завистью смотрят на них. Славка злится. А все из-за меня.

Не знаю, что со мной, но я вдруг прыгаю в воду, машу руками и ногами. Плыву к берегу. По-настоящему.

– Плывет! – восхищенно орет Петька.

Я выбираюсь на берег и растерянно смотрю на ребят. Плот довольно далеко. Как это получилось? От радости снова плюхаюсь в воду и плыву обратно. Ребята подбадривают. Теперь парни с большого плота останавливаются и удивленно смотрят в нашу сторону.

Плавание начинается по-настоящему. Мы забираемся на середину пруда, а мне почти не страшно. Во всяком случае, делаю вид, что ничего не боюсь. Обгоняем соперников. Те сильнее налегают на шесты, разгоняют тяжелый плот из брёвен и берут нас на таран. Терпим кораблекрушение. Только Женька удерживается, топчется на досках, потом прыгает за нами. Плывим к вражескому плоту. Я быстро устаю, страх снова затаился где-то внутри, но рядом брат. Не утону. На большом плоту завязывается сражение. Вниз летит то наша армия, то противника. Их больше, и нас всех скидывают в воду. Правда, потом снова пускают. Плот большой, всем места хватит.

Потом лежим в овраге. Тело немного ноет от усталости. Вверх поднимаются клубы дыма. Это ребята курят, а мне не дают.

Петька морщится:

– Гадость страшная, лучше не привыкай!

У Лешки лицо испуганное и глупое. Тоже мне, взрослый!

Когда возвращаемся домой, Петька вдруг говорит:

– А Вовка нормальный пацан!

Мне ужасно приятно, но вида не подаю.

Оставшись наедине с Лешкой, я уже не могу сдержаться радости, спрашиваю:

– Вы теперь меня всегда с собой брать будете, да?

Брат улыбается. Смотрит на меня, как на маленького. Я недовольно, хмурю брови.

– Чего смеешься?

– Не смеюсь, а улыбаюсь, – поясняет Лешка. – Уж больно ты солидный сразу стал.

– Да ну тебя...

Четыре урока мы ворочаемся за партами, пытаюсь защититься от майского солнца. Будто рыбы, выброшенные на берег. Наконец, звонок. Мы с воплем несемся на улицу.

Семиклассники убирают школьный двор. Не все, конечно, а девочки. Мальчишки собрались в кучу. Лешка тоже среди них. Я дергаю его за рубашку, он оглядывается.

– А, это ты... Смотри, щенок какой! Нам бы его.

Увидеть что-то сквозь толпу невозможно. Лезу между ногами и чуть не сталкиваюсь с косолапым щенком. Он доверчиво тыкается в протянутые ладони.

– Пупсик, Пупсик! – слышится за школьным забором.

К щенку проталкивается полная женщина, хватает его на руки и прижимает к себе.

– Спасибо... милые ребятки... Не обидели Пупсика, – задыхаясь, говорит женщина. – Он еще маленький, а бегаёт быстро... Не угонишься.

Ребята расходятся. Мне жалко, что щенок не бездомный. Взяли бы его себе. Можно было бы упросить маму, раз у меня день рождения. Ой, забыл! Мама разрешила позвать ребят, хоть сколько, а из-за жары все из головы вылетело.

Прибегаю в класс. Там чудом задержалось человек десять.

– Ребята! – торжественно объявляю я. – Приходите завтра на день рождения. Все-все!

Так даже лучше, а то я не знал, кого пригласить.

Ребята галдеть стали, адрес спрашивать. Тут Нинка подходит и тихо говорит:

– Мне тоже можно?

Это самая противная девчонка, страшная ябеда. Но не отказываться же от своих слов.

– Конечно, приходи!

Возвращаюсь во двор. Лешкины одноклассники уныло орудуют метлами и лопатами. А девчонок уже отпустили.

– Давай сбежим! – предлагаю брату.

Он показывает глазами на учительницу, которая наблюдает за работой, грозно скрестив руки на груди.

– Ну и жизнь. Сплошное угнетение! – говорю я с чувством.

Учительница вздрагивает и растерянно смотрит на меня. Лицо совсем не строгое. На мою тетю-санитарку похожа. Че-

го эти семиклассники ее боятся?

– Ладно, хватит на сегодня, – улыбнувшись, говорит учительница. – В следующий раз учтите, что нехорошо всю работу на девочек сваливать.

Мальчишки, не дослушав, разбегаются. Как маленькие!

Учительница пытается их остановить:

– Погодите!.. А инструменты? – она с усмешкой смотрит на меня. – Вот. Совсем как в сказке про Джина из бутылки.

Мы с Лешкой перетаскиваем метелки и лопаты в деревянный сарайчик. Брат смотрит на меня...

– Ой, на кого ты похож!

Совсем недавно рубашка была белая, а теперь земляного цвета. Учительница пробует меня очистить.

– Попадет от мамы?

– Не... У меня день рождения завтра.

– А сегодня она успеет устроить головомойку, – успокаивает Лешка.

Учительница смеется.

– Я тебя поздравляю, – говорит она. – Вырастай скорей, мне очень не хватает такого помощника. Ладно?

Я киваю, раздумываю, сказать или не сказать...

– Знаете... Приходите ко мне на день рождения.

Учительница краснеет.

– Да вы не бойтесь, – успокаиваю я. – У нас еще одна девочка... то есть, девочка, будет. Нинка из третьего «а», знаете?

Учительница смеется.

– Я обязательно приду, только в другой раз. Когда ты моим помощником станешь. Договорились?

Мы с братом шагаем домой, оба задумчивые.

– Она тебе нравится? – вдруг спрашиваю я.

– Кто? Ты о чем? – не может понять Лешка.

Я молчу. На всякий случай.

Утром я долго не могу проснуться. Чувствую, что пора, – а не могу. С трудом разлепляются глаза... Все понятно. Вместо солнца мокрые от капель стекла. Монотонно шумит дождь. Вставать совсем расхотелось. Я смотрю на Лешку. Он лежит с открытыми глазами.

– Лешка, дождь, – жалуюсь я.

– Ты уже проснулся? – улыбается брат. – А я тебе подарок придумал. Стихотворение. Будешь слушать?

– Читай скорее! – требую я.

– Сейчас... – Лешка устраивается повыше на подушке, чтобы меня видеть. – «Мушкетер» называется.

Уходит солнце за поля,

И кто-то в мире спит.

А он садится на коня

И вдаль, стремглав, летит.

Бывают схватки нележки,

Бывает – кровь течет...

*Но он дерется до зари...
И молча друга ждет.
Вот гаснет зоревой костер,
Уходит солнце дня...
Давай же, Вовка-мушкетер,
Седлай скорей коня!*

Лешка замолкает, опускает глаза. У меня в самом деле появляется желание вскочить на коня и помчаться на помощь мушкетеру. Коня рядом нет, и я вскакиваю на Лешку. Он брыкается и скидывает меня.

– Ты когда-нибудь на лошадях катался? – спрашиваю я.

Лешка мотает головой. Улыбается:

– Помнишь, мы их в лесу встретили?

Конечно, помню. Лошади бесшумно бродили по поляне, иногда склоняли длинные шеи к траве и фыркали. Я их сразу полюбил.

Мама выходит из кухни. Сердито смотрит на нас.

– Вы что валяетесь, бездельники? Скоро гости придут.

– Какие гости, – вздыхаю я. – Дождь.

– Кончился он, пока вы спите. Глаза протрите, милые сыночки.

Мама гордо удаляется на кухню.

Дождь в самом деле стих. На всякий выбегаю на улицу. Солнце чистенькое такое, будто умытое.

У самого крыльца лужа образовалась. Как гости смогут

пройти? Бегу в дом.

– Лешка, у самого крыльца наводнение.

Брат выглядывает на улицу, задумчиво чешет затылок.

– Мост нужен, вот что.

Я вспоминаю про доску на нашей кровати, которая вечно вылетает. Пусть доброму делу послужит, а не вредничает.

Крыльцо мокрое от дождя. Приятно по нему бегать босиком. Я перекидываю доску через лужу и с удовольствием смотрю на образовавшийся мост.

Мама легким шлепком выводит меня из задумчивости.

– Зачем босиком бегаешь? Простудиться хочешь, да?

Я обиженно надуваю губы.

– У меня день рождения, а ты дерешься.

– Иди, одевайся. Взрослый мужик, а без штанов по улице бегаешь, – смеется над моей обидой мама.

Когда приходят гости, я выбегаю на крыльцо посмотреть, как они по моему мостику пробираются.

Нинка приходит с большим медведем, сует его мне... И плачет.

– Ты чего? – удивляюсь я.

– Мишку жалко. Мы с ним очень дружим, – признается Нинка сквозь слезы.

– Так возьми обратно.

Глаза у Нинки становятся испуганными.

– Ты что! Это подарок... Тебе.

Не такая уж она плохая. Добрая.

В доме весело. Сразу несколько ребят висят на Лешке, пытаясь его повалить. Шум такой, что дед зимнюю шапку натянул и ушел наверх в свой кабинет. Мама качает головой и предлагает более спокойное развлечение:

– Давайте, каждый что-нибудь расскажет, станцует или споет. Это самый хороший подарок Володе – и концерт получится.

Нинка первая влезает на табурет и читает прерывающимся от волнения голосом:

*Мой веселый, звонкий мяч,
Ты куда пустился вскачь...*

Прядь волос все время падает на лоб. Нинка терпеливо убирает ее, пока читает стихотворение. Мама улыбается:

– Молодец, Нина.

– А у меня брат сам стихи сочиняет, – радостно сообщаю я.

Лешка шепчет на ухо:

– Не надо, Вов.

Я не унимаюсь:

– Он мне такие стихи написал. Только прочитав стесняется.

– Прочитай!.. Прочитай!.. – кричат ребята. Им теперь лишь бы пошуметь.

Лешка обиженно смотрит на меня. Я и сам понимаю, что-то не так, только остановиться не могу.

– Эх, ты! У меня день рождения, а тебе прочитать жалко.

Я вылезаю из-за стола и удаляюсь на кухню. Знаю, что брат появится следом.

– Вов, ты что? Ну, послушай...

– Не хочу я тебя слушать.

Лешка уходит. Вот тут я по-настоящему обижаюсь. Из комнаты доносятся взрывы хохота. Ну и пусть. Пусть веселится, раз он такой.

Заглядывает мама.

– Владимир, что такое? Нехорошо гостей бросать. Что с тобой?

– Ничего, – огрызаюсь я.

– Капризничаешь как маленький.

Я с сердитым видом возвращаюсь. Пусть Лешка видит, как он мне настроение испортил. Брата нет...

Нинка весело сообщает:

– А под Киржаковым стул сломался.

Все смеются. И я тоже. Толстый Ленька Киржаков краснеет, но веселится с нами.

Мама вносит большущий торт, крендельки с маком и еще много всякой вкуснятины. Гости притихают, поглощая сладости. А Лешка все не идет.

Я шепотом спрашиваю у мамы:

– Лешка где?

Она строго смотрит на меня.

– Ушел...

Ложка падает у меня из рук и со звоном летит под стол. Я не поднимаю ее. Даже на торт смотреть не хочется.

Как же так?.. Злость давно прошла, поэтому понимаю: сам во всем виноват. А брат бродит из-за меня по пустым улицам. Может, даже плачет...

Я выбираюсь из-за стола и бегу во двор.

Лужи почти высохли. Мой мост валяется никому не нужный. Да какой это мост? Обыкновенная грязная доска.

Пробегаю в один конец улицы, в другой. Лешки нет. В окнах мелькают тени ребят. Веселятся вовсю. Пусть развлекаются без нас. Им все равно. Вспоминаю про Нинку с медведем. Чего я на всех кидаюсь?.. Совсем запутался. Так плохо без брата. Я на всякий случай зову:

– Ле-ошка!

Поленница во дворе шевелится. Вылезает Лешка.

– Чего тебе?

– Ты зачем ушел? – спрашиваю виновато.

– Просто... На улицу захотелось.

Глаза у него не злые, но в самых уголках за таилась обида. Лешка опускает глаза.

– Что же ты Петьку с Женей не пригласил? И Славку можно было... Не чужие.

– Они бы пошли? – с сомнением спрашиваю я.

– Конечно.

Все у меня сегодня не так. Я жалобно смотрю на брата.

– Пошли домой, а?

Лешка кивает.

В темной прихожей, где не видно моего лица, шепчу:

– Леш, я не хотел... Ну, ты знаешь...

– Да ладно...

Я чувствую на плече теплую руку. Сразу становится спокойней. Лешка поможет во всем разобраться.

У меня уже каникулы, а Лешку ожидает в понедельник решающая контрольная, но до нее три дня. Мама очень волнуется. Лешка успокаивает:

– Не бойся. Мы завтра в поход идем, с ночевкой. Там и подготовимся.

– Что?!

– Нам учительница советовала заниматься на свежем воздухе. Вот мы и...

Про поход ребята при мне сговаривались, но меня не пригласили. Можно было спросить, но я побоялся. Вдруг откажут. А так оставалась какая-то надежда. Стараюсь не показывать тревогу. Сердито спрашиваю Лешку:

– В поход собираетесь?

Он удивленно смотрит на меня:

– Да... Ты же знаешь.

– А я?

В Лешкиных глазах появляются смешинки.

– Ты что, не слышал, как Петька считал, сколько нас будет? Рядом ведь стоял. Или тебе особое приглашение нужно?

– Особого не нужно, – ворчу я, с трудом сдерживая радостную улыбку.

Во сне я уже веду нашу компанию запутанными тропами, через непроходимую для других чащу. Цепкие ветки деревьев расступаются передо мной. Лешка будит меня, а я не могу проснуться. Вспоминаю про поход – и сразу соскакиваю. Свет уже наполняет комнату.

– Не опоздаем? – беспокоюсь я.

Мне кажется, Лешка слишком долго возится с рюкзаком.

– Все в норме.

Мама тоже просыпается и говорит:

– Поешьте как следует на дорожку и оденьтесь потеплее.

Ночи еще холодные.

Лешка улыбается.

– Ладно, мам. Ты не волнуйся.

Мама от его улыбки успокаивается, как всегда.

Приятно вышагивать в легких кедах по дороге, когда солнце еще не высоко. Воздух влажный, прохладный. Если распахнуть рубашку, совсем хорошо. Будто в воде плывешь.

Петька болтает без умолку то с одним, то с другим. Оглушил всех. Женька пыхтит под рюкзаком. Мы один на всех взяли, тяжелый получился. Хотели попеременно нести, а Женька сказал:

– Сам понесу.

Это он из-за Славки, который Женьку слабаком дразнит. Славка и сейчас губы кривит, щурится.

Лешка смотрит вокруг бездумными глазами. Опять сочиняет что-нибудь.

Мне все кажется, что мы плетемся кое-как. Вот бы оттолкнуться сейчас от земли и понестись по воздуху. Хоть немного! Потом еще и еще... Я во сне часто так бегаю. Получается, будто летаю. Жаль, что на самом деле не так.

Вспоминаю, как мы с Лешкой в лес к большим муравьям ходили.

Я так ждал встречи с ними, а муравьи оказались обыкновенные. Я обиженно сказал брату: «Вовсе они не огромные, даже не поиграешь». – «Есть побольше, термиты называются, только они далеко, в Южной Америке. У них дома – как землянки у людей». – «Пойдем туда, – попросил я. – Ни разу не устану, честное слово». – «Ты что, это очень далеко, на другой стороне земли, – улыбнулся Лешка. И вдруг испугался. – Только не вздумай сам уходить. Все равно пешком не дойти».

Я промолчал. На всякий случай. Сейчас вспоминаю об этом и тихонько смеюсь. Ребята оглядываются.

У Женьки ноги заплетаться начинают. Я подхожу сзади и чуть придерживаю рюкзак. Женька резко поворачивается и чуть не падает.

– Чего лезешь?!

Петька удивленно смотрит на него, потом подходит и тя-

нет рюкзак на себя. Женька не дает.

– Давай, тебе говорят.

Женька отворачивается. Потом говорит:

– Я еще немного понесу. Ладно?

Петька качает головой и отходит. А Славка смотрит с ухмылкой. Ну и гад! Вымахал – и думает, теперь ему всех презирать можно.

Говорю:

– После Женьки я рюкзак понесу.

Петька мотает головой и кричит:

– С ума сошел, да?

Лешка непонятно улыбается...

Когда добираемся до Щучьего озера, солнце палит всю. Бросаемся в прохладную воду. Усталость улечувается. Будто я и не тащил тяжеленный рюкзак. Ага, следы на плечах от лямок остались. Можнл показывать как боевые шрамы.

Заваливаюсь на траву. Она еще маленькая, мягкая, очень зеленая. Солнце будет жечь ее все лето, пока стебельки не сникнут, пожелтеют. Наверное, трава сердится на жаркие лучи. А мне солнце нравится. Оно высушивает капли и начинает жечь кожу. Снова бросаемся в воду, потом опять загораем.

Хворосту в этих местах мало, а без хорошего костра неинтересно. Славка предлагает сухие ветки с сосен обламывать.

Ветки начинаются высоко. Я все ноги исцарапал, пока по стволу карабкался. Все равно интересно. Стукнешь ногой по сухой ветке – она вниз летит. Треск такой, будто медведь через чащу ломится. Я забираюсь повыше, веток внизу не остается, почти все сломал... Пробую скользить по стволу и расцарапываю живот, чуть не падаю. Хорошо, что никто не видит, а то не пустят больше. Нужно было сначала забраться высоко, а потом вниз спускаться, обламывая ветки. Хочу поделиться открытием, но Славка еще интересней штуку придумывает. Повиснет на ветке – она хрустнет, и Славка летит вниз вместе с ней. Говорит, как на парашюте получается. Лешка мне кулаком грозит, чтобы не пробовал. Да я и сам не сумасшедший.

Когда весь хворост собираем вместе, огромная куча получается. Здорово Славка придумал. Только хвалить его не хочется – еще больше зазнается.

На нос падает капля. Откуда?

– Ой, что сейчас будет! – вопит Петька, показывая на черную тучу.

– Нужно одежду в рюкзак спрятать, – говорит Лешка.

Мы запихиваем туда брюки и рубашки, укрываем под деревом ветками. Костер большущий разводим. Напрасно дождь хлещет его. Огонь не сдается, пышет жаром то на живот, то на спину. Это мы ворочаемся, чтобы не продрогнуть. Вроде индейского танца получается. Дождь понял, что с нами не справиться – и перестал.

Туча несется дальше, а у нас уже солнце. Все мгновенно высыхает.

Делать теперь нечего... Скучно. Славка зовет по скалам лазить. Я сначала радуюсь, а потом думаю: раз Славка предлагает, значит, дело не безопасное.

Скалы оказываются громадными, почти отвесными.

– Тут не залезешь, – авторитетно заявляю я, пытаюсь скрыть страх.

Но Славка ловко цепляется за камни и забирается на вершину. За ним остальные. Значит, и мне нужно. Смотрю на скользкие камни и не могу решиться. Сейчас кто-нибудь скажет: «Что же ты? Давай к нам». Что я отвечу?

Никто не зовет, даже Славка не дразнится. Все равно не по себе. Нахмурившись, ухожу к костру.

Со стороны скал доносятся крики: «Ура!»

Я лезу на сосну, прямую, как стрела, почти без веток. И не страшно. Почему на скалах испугался?

Вижу, как ребята спускаются. Притихли. Спускаться труднее, чем подниматься. С дерева тоже. Но мне не страшно. Кора шершавая хорошо держит. И запах у нее знакомый: когда ручьи бегут, из такой коры кораблики делают. А у скал запаха нет...

Углей в костре уже много, ребята картошку печь закладывают. Делают вид, что ничего не случилось, но мне все равно кажется: презируют. Стараюсь не смотреть на них. Если не залезу на скалы, так на всю жизнь со мной страх останет-

ся. Я потихоньку ухожу от приветливого костра.

Стемнело. Скалы кажутся выше и неприступней. Я хожу вокруг, собираюсь с духом. Рассматриваю камни. Окажется, на них много выступов, трещин. Не такие уж они неприступные, как казалось сначала. Ну, что, пора.

Я ставлю ногу на камень, рукой хватаюсь за» другой. Еще шаг, еще. Я уже высоко, но путь преграждает пузатый камень. Навис надо мной, не перелезть. Что же делать? Придется спускаться. Смотрю вниз – и глаза закрываю. Подо мной острые камни торчат. Голова кружится. Я прижимаюсь к скале. Но долго так не прстоишь. Пальцы затекают, вот-вот разомкнутся. У меня такой же ужас, как когда-то на пруду, когда провалился в яму и стал тонуть. Только теперь никто не поможет. Все, конец...

– Лезь вверх! – слышу снизу голос брата.

– Не могу. Тут камень...

– Лезь, говорят! Иначе разобьешься! – кричит Лешка. Потом сдержанней объясняют. – Там у камня вверху выступ есть, нужно только дотянуться. Вовка, ну, лезь же!

Лешка, кажется, плачет.

Я собираюсь с силами, встаю на цыпочки и нащупываю выступ. Будь я повыше, легко бы до него дотянулся, а так не могу. Если только подпрыгнуть?.. Я приготовился, но в последний момент становится страшно, сердце будто морозом обдаёт. Закусываю губу, вот-вот взвою. Неужели все?.. Не думая, вдруг отталкиваюсь и... одной рукой цепля-

юсь за выступ, хватаюсь другой.

Все, теперь залезу!..

Хорошо, что брат всегда рядом.

Весна третья

- Мама, ну пожалуйста!
- И не выдумывай!
- Мам...

Я готов встать на колени, сделать что угодно, только бы вырваться на улицу. Хоть на минуточку!

Неделю проваляться в постели – это же пытка. И когда? Весна в самом разгаре, ручьи. А запах! Он проникает сквозь щели и мучает. Если не выпустят на улицу, совершу что-то ужасное. Я маме так и говорю. Она качает головой и... сдается.

Приходится укутывать горло большущим шарфом. Головой ворочать трудно, а так хочется все рассмотреть. Теперь я понимаю, что за запах донимал меня. Пахло подтаявшим снегом, капающими сосульками, ожившими после спячки деревьями. Каждая ветка настороже: бояться прозевать миг, когда нужно выпускать клейкие листочки. Пахло только что сделанными из коры корабликами, которые осторожно спускают на воду. Они дрожат от нетерпения, торопятся в путь. К морю! Туда, где теперь мой брат в армии служит.

Пока болел, нашел в старых бумагах Лешкино стихотворение, странное, вовсе на стихи не похожее. Оно напоминает о времени, когда мы с братом в валенках по весне ходили.

Солнце!

Вижу тебя в потеплевшем окне,

В снегу,

что не выдержал ласки твоей и заплакал...

В слезах,

Которые проливают сосульки,

Прощаясь с жизнью,

*В улыбках,
Которые появляются у малышей во сне...
Они уплывают на парусном судне.
К морю.*

Брат теперь в Морфлоте, на подводных лодках. Выше де-да стал, плечи широченные. Просто великан, только добрый, потому что улыбается по-прежнему. Иначе его не узнать. Как только в подводную лодку вмещается? Хорошо, что их сейчас большими делают, даже со спортивным залом. Лешка там тренируется. Поэтому, говорит, и растет. Это он меня воспитывает, потому что зарядку ленюсь делать. А брат так натренировался, что однажды пять километров пробежал – и хоть бы что. У них что-то случилось, пришлось всплывать. Врач особый понадобился, а город далеко. Вот Лешка и побегал. Ему за это отпуск дали...

Брат приехал ночью, когда я спал. Улегся рядом, а я ничего не понял. Глаза приоткрыл и испуганно залепетал: «Что такое? Чего тебе надо? Уходи!» Лешка повернул меня на другой бок, укрыв одеялом.

– Спи. Это тебе снится, что брат приехал.

Я улыбнулся и спокойно уснул.

Это Лешка потом рассказал. Может, придумал все, он любит придумывать.

Правда, когда я утром проснулся, в самом деле испугался.

Лежит рядом этакий детина и похрапывает. Я хотел маму звать, но смотрю – лицо вроде знакомое. Как заорал:

– Леха!.. – и от радости трахнул его подушкой.

Брат соскочил с кровати:

– А?.. Что случилось? Тревога?

Я повис на нем, попробовал повалить, но куда там... Пыхтел, пыхтел, потом говорю:

– У, вымахал!

Лешка расхохотался, поднял меня высоко-высоко. Я беспомощно болтал ногами, кричал, что уже не маленький.

Хорошо с Лешкой. Мы на пруд ходили, Брат решил «детство вспомнить» – на плоту прокатиться. Забрался, а плот ко дну пошел, не выдержал такую тушу. Потом мы шли по лесу, усыпанному желтыми листьями. Осень была в самом разгаре. Лешка про поход вспомнил и про скалы, на которые я карабкался.

– Я тогда думал, все, пропал Вовка. Стою внизу и жду: если падать будешь, постараюсь поймать. Знаю, что бесполезно, но хоть погибать вместе...

– Если бы не ты, я бы не залез. Повисел бы и... У меня без тебя ничего не получается, – признался я.

Лешка засмеялся:

– Совсем ничего?

– Конечно! И ты не смейся...

Я рассказал, как вожатым к октябрятам меня назначили. Спрашиваю: «Ребята, за что?» – «Так ты же все время с ма-

лышами возишься», – говорят. Я объяснил, что это на улице, а не в школе.

Ребята ни в какую. «Что хоть с ними делать?» – спросил я. Посоветовали книжки читать. Взял я «Робинзона Крузо» и пришел в класс. Читаю. Вдруг мне в лоб комок из промокашки попал, потом в щеку. Ну, я виду не подал, продолжал читать, а сам потихоньку наблюдал. Три пацана шарики катили и готовились меня обстреливать. А весь класс хихикал. Что делать? Я достал свою трубочку, снаряды у меня всегда наготове – и начал отстреливаться. Тут учительница зашла... Крику было! Из вожатых меня поперли.

Лешка стал хохотать. У человека несчастье, а он смеется.

Без брата мне в самом деле трудно, а отпуск у него кончился слишком быстро. Когда прощались, мама в одно плечо Лешке уткнулась, дед в другое. Брат гладил их и приговаривал:

– Ну, перестаньте! Тоску какую нагнали... Да вы что, хороните меня? Хотите, каждому на память кусочек от себя оставлю?

– Давай ремень! – обрадовался я.

Мне он сразу приглянулся. Широкий, пряжка с якорем. Я хотел еще тельняшку выпросить, но мама заругалась:

– У, бессовестный! Ты только посмотри, Алексей, какого мы человека вырастили.

Лешка засмеялся, снял ремень.

– Бери. У меня запасной есть!

На вокзал брат взял только меня, потому что я – мужчина и слез лить не буду. Мы шли пешком через весь город. Лешка рассказывал, как бежал свои пять километров. Сначала израсходовал первое дыхание, думал, упадет, потом бежать стало легче. Но это ведь не спортивный забег, нужно было спешить. Вот когда кончилось второе дыхание... Худо было.

Как худо, он рассказывать не стал. Я сам понял, когда попробовал пробежать пять километров. В классе втором или третьем мы отмеряли их с учительницей – от школы до избушки лесника. Я побегал. Думал: брат может, а я хуже? Пробежал километра два, до леса. Не знаю, сколько у человека дыханий, а у меня легкие гореть стали, будто в них тысячи иголок впились. Ноги стали тяжелыми, сердце чуть наружу не выскочило. Я упал – и долго не мог подняться, хватал ртом воздух... Обидно стало: значит, не могу. Написал Лешке – он меня дураком обозвал. Говорит, что сначала на маленькой дистанции тренироваться надо, постепенно ее увеличивать. Я решил, что к его возвращению успею. Вернется Лешка, я скажу: «Ну-ка, пошли, кто кого!..» Он бежит, а я не отстаю, смеюсь только...

Это я потом решил, а когда шел с Лешкой к вокзалу, то расспрашивал, в настоящих ли он морях плавает? А то есть большие озера, которые почему-то морями называют... Лешка плавал в настоящем. Большом и синем.

– Правда, оно не чисто синее, а с разными оттенками –

зелеными, желтыми. Помнишь, как ты к морю уходил? – засмеялся Лешка. – Мне еще из-за тебя влетело.

Я проворчал:

– Ничего смешного. Я и сейчас с удовольствием бы ушел, – и вдруг попросил, ни с того ни с сего. – Возьми меня с собой, а? Или сам останься.

Я даже за руку его взял покрепче, как когда-то во сне. Разве справедливо оставлять меня без брата? Если уж надо в армию, так вместе...

– Ну, я-то думал, что взял с собой мужчину, – недовольно сказал Лешка.

– Мы еще до вокзала не дошли, пока можно, – нашелся я. Помолчали. Лешка виновато глянул на меня.

– Привыкай, брат. Не все же тебе в младших ходить.

– Я и говорю, что мне в армию с тобой надо. Опять Лешка стал смеяться. Думал, шучу.

– Это только кажется, что пройдет сколько-нибудь лет, пойдешь работать, ну, женишься, дети появятся – и станешь взрослым. Встречал я таких... Служит у нас один женатый, а хуже маленького. Все время ноет, ничего сам сделать не может. Жена к нему, мама чуть ли не каждый месяц приезжают. Понимаешь?

– Не очень.

Тут Лешка сказал, что он раньше мне завидовал. О младшем все заботятся, а старшего все время ругают. Если что случится – у мамы всегда Лешка виноват. Вот и мечтал мой

брат поменяться со мной местами, чтобы старший брат придумывал игры, волновался за младшего, помогал бы во всем.

– Помнишь, как мы с Гришкой Афониным дрались?

Еще бы не помнить!

Гришка преградил нам путь, когда возвращались из булочной. Широкоплечий, похожий на боксера, с угрожающей ухмылкой. Его все боялись. Я спрятался за брата, он все равно даст этому страшиле. И Лешка сорвался с места, стал яростно дубасить Гришку. Тот растерялся от неожиданности, попятился, упал, а потом побежал, хотя за ним гнался я один, размахивая сеткой с буханкой хлеба.

– Я у тебя всегда – герой, – сказал Лешка. – А если хочешь знать, я этого Афонина боялся. Он часто ко мне привязывался: «Давай подеремся один на один». А как с ним драться, если мускулы у него как стальные. Навалится на тебя – и уже не вырвешься. Только Петька со Славкой и спасали. А тут он меня одного подкараулил. Если бы не ты... Стыдно перед тобой было, понимаешь? Это благодаря тебе я становился старше.

Вот это да! А мне казалось, что это я расту благодаря брату. Разве так за ним угонишься? Без младшего брата.

Мы шагали по городу – я и брат, похожий на доброго великана. Его рука лежала на моем плече, и от этого очень хорошо было жить на свете.

Воспоминания прервал резкий звонок. Рядом, не спеша,

едет куда-то трамвай и весело трезвонит. Я бегу за ним и прыгаю на ступеньку. Теперь мы бежим вместе...

Народу в вагоне немного. Старушка в очках читает газету, две девчонки болтают у окна. Я сажусь напротив. Девочки замолкают. Бойкая, с распущенными волосами, склоняется к подруге, которая все время глаза прищуривает, и говорит, чтобы я слышал:

– Чего этот парень на нас уставился?

– Влюбился, наверное, – кокетничает подруга.

Они смеются. Я опускаю глаза и, кажется, краснею. Хочу размотать шарф на шее, но поздно.

– Простуженный, а туда же... Сейчас еще приставать начнет. Может, пересядем?

Я беспомощно смотрю на них. Что я им сделал? Вредины. Старушка поглядывает в мою сторону, улыбается.

– Оставь его в покое, Марина, – говорит девчонка с прищуром. – Мальчик сейчас заплачет.

Я выскакиваю на ходу, с трудом удерживаюсь на ногах. Дуры ненормальные. Чего привязались? Правда, особой злобы у меня нет – все-таки симпатичные.

Трамвай уносит их, и я смотрю вслед даже с некоторым сожалением.

Я оказался в новом районе, где стоят многоэтажные дома. Не то что наши. Деду предлагали в такой переехать, даже упрашивали, а он:

– Подождите немного. Умру скоро, тогда пусть мои пере-

езжают.

Конечно, наш дом очень хороший. Но в новых, по-моему, интересней.

На тротуаре мальчишки играют в войну, бегают с палками-винтовками и «стреляют».

– Дяденька, не выдавай, – просит шустрый карапет и прячется за меня.

Продвигаемся к мальчишке, который растерянно оглядывается. А противник вдруг выскакивает перед самым носом и тарыхтит. «Убитый» с обидой смотрит на меня.

– Ничего не поделаешь, война! – развожу я руками.

Поскорее уйду от ребят, потому что очень хочется поиграть с ними, а надо взрослым становиться. Хорошо хоть эти пацанята за «дяденьку» признали. Я-то знаю, что нисколько не изменился, такой же, как в шесть лет, а приходится вести себя солидно. Иногда. Взрослые, наверное, несчастные люди. Мой брат, например, недавно смешное письмо прислал. Я его с собой ношу.

«Вовка, я часто о тебе думаю. Устанешь страшно, нервы на пределе, а вспомнишь, как мы кораблики по лужам пускали, как ты к морю уходил, – хорошо так! Я не смеюсь – мне такая мысль в голову не приходила.. Представляешь, добрался бы ты до моря, а там парусное судно тебя дожидается. Я даже песню про это придумал. Ты уж не суди строго брата. Сам понимаю, что поэта из меня не выйдет, но иногда слова помимо воли складываются.

Шагнул на палубу впервые капитан —
И улыбалась вся матросская братня.
Воскликнул боцман: «Братицы, пьян я иль не пьян?
Мальчишки сроду не водили корабля!»

«Ах, боцман, боцман, ночами я не спал,
Мечтал о море, о бурях, о тебе.
И вот теперь я капитаном стал
На вашем старом, славном корабле».

Дрожали снасти, гудели паруса,
Корабль как птица неся по волнам.
Перекрывая пространства голоса,
Мальчишка вызов бросал морским ветрам.

Но ветер шуток очень не любил —
Темнее ночи настиг их ураган.
И кораблю грозил уж явно перекиль.
Мальчишка крикнул: «Братицы, по местам!»

Когда же буря измучила вконец,
Со стоном боцман на палубу упал,
Все не сдавался отчаянный юнец —
Ревел, но крепко в руках держал штурвал.

*И улыбалась седые моряки,
Шептал им боцман: «Братицы, пьян я иль не пьян?»
С тех пор мальчишки водят корабли.
Зовет с собой их самый смелый капитан.*

Вот какое письмо Лешка прислал. Говорит, что бы я вырослел, а сам песенки пишет. Я-то ничего, я понимаю. Мне эта песенка очень даже понравилась. Но... Просто смешно. Я прошу у брата совета, как вырастеть, у меня самого плохо получается. Он предлагает совершать поступки какие-то особые. Я один раз попробовал...

Вижу – мальчишка, третьеклассник, плачет. Горько так.
– Ты чего? – спрашиваю.

Он молчит, отворачивается обиженно. А слезы все текут.
С трудом выяснил, что у него парни солдатский ремень отобрали, подарок брата. Вот сволочи!

Я сразу про свой вспомнил, даже проверил, на месте ли. Стараюсь не расставаться с ним, даже на ночь под подушку кладу. Если бы у меня ремень отобрать попробовали, я бы!..

– Идем, – говорю решительно, будто в холодную воду бросаюсь.

Малыш ведет меня во двор, а там трое парней, чуть младше меня. Один толстый, с красными отвислыми щеками. Если до драки дойдет, еще неизвестно, чем это кончится.

– Кто? – строго спрашиваю малыша.

Тот молчит.

– А ну, верните ему ремень! – как можно смелее требую я.

Кудрявый, с хитрыми глазками, ехидно так заявляет:

– Какой ремень? Мы ничего не брали. Разве это мы?

Мой подзащитный ни слова, побелел весь. Толстяк похлопал его по плечу и многообещающе улыбнулся:

– Разберемся. Ты только покажи, кто тебя обидел.

Мальчуган развернулся и побежал. Что делать? Растерянно посмотрел на ухмыляющихся парней и бросился следом.

– Постой! Куда ты, подожди минуточку!

Еле догнал. Малыш стоит, смотрит исподлобья, дескать, что привязался, только хуже из-за тебя.

Я молча снял Лешкин ремень, повесил ему на плечо и ушел, не оглядываясь. Обидно до слез. Чувствовал себя побитым и беспомощным, как тогда, когда пробовал пробежать пять километров. Опять дыхания не хватило.

Кто-то окликает меня. Верчу головой – никого.

– Вовка, я тут, наверху.

Это Витька Котенко, из нашего класса. Мы его Котиком зовем. Его окошко высоко, на пятом этаже. Здорово! Котик лег животом на подоконник. Под глазом у него здоровенный синяк. Он кричит:

– Ты что в школу не ходишь? Болееешь?

– Да. А тебе хорошо там, наверху?

– Чего хорошего? – морщится Витька. – Мать на улицу не пускает. И не удерешь, высоко.

– Опять подрался?

Витька в ответ вздыхает. Солидно молчим. Вид у побитого одноклассника жалкий. Надо его развеселить.

– Котик-обормотик.

Витька удивленно смотрит на меня, а я невозмутимо продолжаю:

– Котик-бегемотик.

– Т-ты что... обзываешься?

– Котька-Мотька.

– А ты... ты... – Витька смотрит по сторонам. – Столб, вот кто!

Он хохочет, но у меня-то в рифму:

– Котик-самолетик.

– Вовка... морковка!

Витька радуется, что у него получилось. Только куда ему со мной тягаться. Мы с братом раньше часто так «ругались».

– Котик-живоглотик. Котик-полиглотик.

Вовка хочет ответить, но могучая рука втаскивает его за чуб в комнату. Сердитая мамаша закрывает окно.

Я начинаю понимать преимущество своего дома. Из любого окна можно выбраться на волю, поэтому угнетение невозможно. Пропадет Витька.

Ура, кажется, я нашел себя! Марина Владимировна, которая была у Лешки классным руководителем и хотела, чтобы я стал ее помощником, на перемене подошла ко мне.

– Володя, выручай. Не могу справиться со своими мальчишками. Не хотят книги по литературе читать. Представляешь, «Овод» им не интересен. Я уж не говорю про «Печорина» и «Онегина». Ты когда-то обещал помогать.

Я все помнил. Мне Марина Владимировна еще больше нравится. Она у нас преподавала литературу и так читала стихи, будто сама их написала. Еще она ввела новшество – чтение по очереди тех произведений, которые мы проходим. Мне достался «Вишневый сад» Чехова. Я не мог понять, почему Антон Павлович назвал пьесу комедией. Жизнь у хороших людей рушится, а тут – комедия. Когда начал читать и класс заливался от хохота – понял. Особенно ребята смеялись над Шарлоттой Ивановной в моем исполнении, когда она говорит невпопад на ломанном русском языке: «А моя собака орехи кушает». Марина Владимировна сказала странные слова: «У тебя, Володя, есть актерские способности». Значит, не зря я на клоуна в детстве тренировался.

Что такое актерские способности, я плохо представлял. Однажды библиотекарь Светлана Ивановна решила с нами в четвертом классе «Петрушку-иностранца» Маршака поставить. Главной артисткой у нас после успеха на моем дне рождения была Нинка – ей роль Петрушки отдали. Долго не могли найти желающего сыграть Иностранца, потому что он купался в каком-то Обводном канале и у него брюки украли. Одним словом, нужно было на сцену в трусах выходить. Никто из мальчишек не соглашался. В конце концов Котик,

ну, Витька Котенко, согласился: «А че такого?» Мне досталась роль отца Петрушки, потому что я точно изображал своего деда. Правда, сыграть ее и, возможно, с успехом, мне не удалось. В день спектакля не пришла Нинка, даже не помню, почему. Светлана Ивановна не знала, что делать. Тут я сказал, что знаю всего «Петрушку» наизусть. Спектакль, казалось, был спасен. Я бойко изображал Петрушку до тех пор, пока не забрался в большую картонную коробку с надписью «Мороженое». В темноте что-то со мной произошло – я забыл текст. После этого я с трудом, при громких подсказках библиотекари, доиграл роль. Поэтому слова Марины Владимировны про актерские способности меня удивили. Еще необычной оказалось ее предложение. Учительница предложила мне поставить литературный спектакль с ее учениками. Я старше, с чувством юмора, ребятам со мной будет интересней, чем с учительницей.

– Ну, как, помощник?

Я не отказывался, все таки моя первая любовь, но написал о сомнениях брату. Какой из меня воспитатель? Опять что-нибудь произойдет, и придется Марине Владимировне с позором со мной расставаться. Лешка всячески поддержал начинание и посоветовал не изображать из себя взрослого, а как можно больше все с ребятами обсуждать, на равных.

Для пробы, чтобы заинтересовать ребят, я решил с ними поставить басню «Волк и ягненок». Ягненком был я, а Волком самый маленький в классе Паша Саунин. Конечно, все

умирали от смеха, когда я, чуть не вдвое выше его, дрожал от страха и заискивал: «От светлости его шагов я на сто пью... И гневаться напрасно он... изволит... Питья мутить ему никак я не могу» – «Поэтому я... лгу?! – наступал на меня, выпятив животик, Паша. – Негодный! Видана ль такая дерзость в свете!...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.